
АНТОН АБРАМОВ
Смерть за пазухой
Рассказы

Антон Абрамов

Смерть за пазухой

«Автор»
2026

Абрамов А.

Смерть за пазухой / А. Абрамов — «Автор», 2026

Девятьсот лет смерть Кощея Бессмертного пролежала на конце иглы, а в Чистый четверг проклюнулась из яйца утенком, и тому, кто веками умел только запирать, пришлось отогревать ее за пазухой. Эта сказка закрывает книгу, где восемь рассказов написаны в семи жанрах, и каждый своим языком: переправа через пропасть по пяти доскам уложена в одну фразу, которая не дает перевести дух до того берега, а вторая свадьба двух стариков, разведенных в восьмидесятом, оформлена протоколом, который ведет их внук-юрист. В каждом рассказе кто-то держит в руках самое дорогое и должен решить, сжать пальцы или разжать, будь то мёртвая мать, до рассвета притворяющаяся ведьмой, чтобы сын в ужасе убежал от нее обратно к живым, или хозяйка образцового дома, у которой завелась третья рука, сперва услужливая, а с каждым днем все более строгая. Над рекой, на двух досках, лежит человек, протянув назад пустую ладонь, и ждет, подаст ли ему проводник следующую доску.

© Абрамов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

БАЗОВЫЙ ТАРИФ ДУШИ 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Смерть за пазухой

БАЗОВЫЙ ТАРИФ ДУШИ

Нынче, граждане, ругаться стало некультурно. Ругаются теперь одни пенсионеры без подписки, и то неэкологично, с выбросами.

Мы с Клавдией Ивановной, к примеру, второй год проживаем в одной малогабаритной квартире и лично друг с другом не разговариваем. Совсем. Рот нам открывать без надобности, у нас оформлен семейный пакет «Гармония-Премиум» за восемьсот девяносто рублей в месяц. За нас разговаривают нейросетевые секретари, у каждого свой.

Клавдия Ивановна у меня женщина проработанная. Ее психолог три года прорабатывал, как прораб котлован, и теперь у нее кругом личные границы. Проходят они, насколько я понимаю, примерно по кухонному косяку.

Вот, допустим, оставил я как-то в раковине чашку. Обыкновенную, с осадком. Клавдия Ивановна поджала губки и ткнула пальчиком в телефон.

Через минуту ее секретарь, вежливый такой, с петербургским выговором, отправил моему секретарю письмо. Мол, глубокоуважаемый Василий Петрович, мы ценим ваш вклад в совместное существование, однако созерцание немытого фаянса вызывает у вашей супруги острую дофаминовую недостаточность.

Мой секретарь тоже не лыком шит, за те же деньги куплен. Ответил на трех страницах, с цитатами из стоиков. Слышу вас, пишет, и обнимаю душой, однако Василий Петрович оставил чашку исключительно по причине экзистенциального выгорания. И букетик приложил. Нарисованный.

Клавдия Ивановна прочла это в спальне и поставила сердечко, пока я на кухне доедал пельмени из коробочки.

Про нашу возвышенную переписку я узнал только через неделю, из еженедельного отчета. Читал и, граждане, прослезился. Я и не знал, что у нас с Клавой такие отношения.

Ночью мне от этих переживаний не спалось. Пошел я на кухню чайку согреть, а чайник у нас умный, умнее покойного дяди Миши. Мигнул синим глазом и не включился. Прислал мне на часы уведомление: «Гражданин, пульс у вас частит, кипяток вам не положен. Ложитесь-ка спать и подышите животом».

Стою я перед ним в кальсонах, как перед завучем, и спорить не решаюсь, при его-то алгоритмах и моем среднем техническом образовании с гастритом.

Жили мы, одним словом, душа в душу, то есть сервер в сервер. До прошлой среды.

В тот день, граждане, пошел я вечером в булочную за сайкой.

И ведь кругом у нас такая нежность разлита! Выйдешь во двор, и душа замирает. Едет по тротуару маленький пластмассовый робот с чьей-то сметаной внутри, колесиком в осенней луже забуксовал, пищит и жалобно так огоньками моргает. Вокруг него моментально человек десять соберутся, на камеру снимают, платочками слезы утирают.

— Ах ты, сиротинушка беспилотная, — говорят, — давай мы тебя подтолкнем!

Тут же рядом живой сосед, бухгалтер Семибратов, на мокром листе поскользнулся и в ту же лужу в аккурат плашмя лег, так через него деликатно перешагнули, чтобы, упаси боже, не нарушить его уединение и не навязать человеку непрошеную помощь. Культура!

Я тоже перешагнул. Я человек культурный, у меня подписка.

В булочной беру я сайку и поворачиваюсь к аппарату, чтобы лицом расплатиться, как у порядочных людей заведено. Аппарат как заверещит на весь магазин: «Оплата не прошла! Лицо покупателя не распознано по причине чрезмерной унылости и отсутствия жизненного тонуса!»

Продавщица, то есть оператор кассовой зоны, смотрит на меня сквозь очки дополненной реальности.

— Гражданин, — говорит, — смените выражение лица на более кредитоспособное. Улыбнитесь системе, не задерживайте очередь.

Я, конечно, стараюсь. Растягиваю рот как могу, изображаю человека, который уверенно глядит в послезавтрашний день. Аппарат пуще прежнего ругается: «Обнаружена неискренняя гримаса! Карта заблокирована до выяснения личности!»

И главное дело, из-за этой самой блокировки в восемь ноль-ноль у меня не списалась абонентская плата за «Гармонию-Премиум». Секретарь мой, который два года за меня перед женой расшаркивался, тут же перешел на бесплатный «Базовый тариф». На базовом тарифе, граждане, никакой эмпатии не положено. Там один прогноз погоды и курс юаня.

Прихожу я домой без сайки и с заблокированным лицом. В коридоре стоит Клавдия Ивановна, в халатике, с той самой немытой чашкой в руках, и смотрит в телефон с недоумением. Она моему секретарю уже три претензии отправила. В ответ ей вместо раскаяния и цитат из Сенеки приходит казенное сообщение: «Абонент временно не способен к сочувствию. В Москве переменная облачность, местами мокрый снег».

Подняла она на меня глаза, впервые, может быть, с позапрошлого четверга, и говорит своим собственным голосом, без всякой шумоподавляющей обработки:

— Вася... Это что такое?

Тут-то, граждане, я и понял весь ужас положения. Отвечать надо было самому, собственным речевым аппаратом, без предварительной генерации текста и проверки на токсичность.

Открываю я рот, граждане, и там у меня сквозняк и полное запустение. То есть слова-то в голове копошатся, еще с двадцатого века припасенные, только все корявые, необкатанные. Я их вслух выпустить боюсь. Вдруг они неэкологичные? Скажу я сейчас что-нибудь от чистого сердца, и по нынешним законам психиатрии это потянет на мелкое бытовое хулиганство.

— Клава, — говорю я и сам своего голоса пугаюсь, до того он скрипучий с непривычки. — Я тебя, это... слышу. И обнимаю душой.

Это я из секретарских писем взял, они хотя бы модерацию проходили. Дальше в письмах шли стоики, их я наизусть не помню, так что пришлось от себя:

— Ноги гудят, Клава. И сайку мне не продали, мордой я для банковской системы не вышел.

Клавдия Ивановна ставит чашку на тумбочку и телефон свой туда же кладет, экраном вниз, хотя гляделась в него с утра до ночи, как в зеркало. Смотрит она на меня долго так, в упор, и тут я ее, граждане, первый раз за два года вблизи разглядел.

Седина у нее у левого виска пробилась, тоненькая такая прядка, как паутинка, и халатик на локте протерся. Глаза припухшие, плакала, похоже, и не первый вечер, и бот мне про это ни разу не написал, все больше присылал по утрам Клаву в бархатном платье на фоне нейросетевых Мальдив.

Господи, думаю. Два года за нас два куска заграничного кремния где-то в облачных хранилищах объяснялись друг другу в любви, и все это время я ел в трех метрах от нее пельмени из коробочки и боялся лишний раз кашлянуть, чтобы не нарушить ей личные границы.

Тут Клавдия Ивановна делает шаг ко мне и утыкается лбом в мое старое осеннее пальто. Плачет совершенно неправильно, без всякой осознанности, в голос, и слезы по щекам размазывает.

Я глажу ее по этой седой прядке, рука у меня тяжелая, от нежности отвыкшая, и говорю ей такую глупость, за которую любой приличный алгоритм заблокировал бы меня навсегда:

— Ну будет, Клашенька, ну полно... Да бог с ней, с этой сайкой. У нас же еще сухари с мая месяца на антресолях лежат. Сейчас чайник вскипятим и попьем...

Чайник на кухне опять синим глазом замигал, хотел, видать, про пульс напомнить. Только я выдернул его, подлеца, из розетки и поставил старую эмалированную кастрюльку с водой на обыкновенный, живой огонь.

И вы знаете, граждане... Закипела. Как миленькая закипела, безо всякого тарифа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.